

БОГОСЛОВІЕ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

(Къ вопросу о задачахъ естественно-научной апологетики) ¹⁾.

Вселенная, когда мы ее понимаемъ только естественно научно, можетъ насъ такъ же мало воодушевлять, какъ читаемая по складамъ Иліада. Ланге.

Гигантское развитіе современныхъ естественныхъ наукъ уже сравнительно давно поставило на очередь, въ области религіозной мысли, новый, но все еще очень мало разработанный вопросъ о возможности особаго рода апологетическаго освѣщенія добытыхъ наукою истинъ ²⁾.

Съ перваго взгляда, впрочемъ, можетъ показаться, что вопросъ этотъ по существу не новъ и сводится къ давнишнему спору между религіей и наукой; спору сильно уснащенному всѣми крайностями горячей полемики, не приведшей, однако, и до сихъ поръ къ сколько нибудь положительному результату. Да, въ сущности, иначе и быть не можетъ, если наука по прежнему останется индефферентной—чтобы не сказать: враждебной—къ религіи ³⁾, которой, къ тому—

¹⁾ *Примѣчаніе редакціи.* Редакція „Богословскаго Вѣстника“ съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ появленіе настоящей статьи, на страницахъ своего журнала, такъ какъ авторъ ея — профессоръ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, по специальности механикъ—высказываетъ въ ней мысли, приобретающія особый интересъ въ устахъ дѣятеля позитивной науки.

²⁾ Какъ навѣстно, предметъ естественно-научной апологетики введенъ въ цѣкль научныхъ дисциплинъ, преподаваемыхъ въ Московской Духовной Академіи, еще въ 1870 году, но до сихъ поръ не получилъ надлежащей организаціи.

³⁾ Въ этомъ отношеніи весьма характерно то отношеніе со стороны специалистовъ естественныхъ наукъ, которое встрѣтило обращеніе къ нимъ Совѣта Моск. Духовн. Академіи, когда, въ 1904 году, онъ счелъ

же, въ этомъ направленіи, не мало повредили ея же собственные, чрезчуръ пылкіе апологеты, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, обыкновенно лишь очень поверхностно освѣдомленные, именно, въ естественно-научныхъ циклахъ знанія. Это-то и создало, мало по малу, почти непримиримый конфликтъ между вѣрой и разумомъ. Оставаясь на той - же точкѣ зрѣнія, въ современную эпоху лихорадочнаго прогресса естественно-научнаго знанія, когда все вновь открывающіеся горизонты новыхъ, невѣдомыхъ явленій природы вскружили много очень умныхъ головъ, заставивъ даже ихъ заговорить о пресловутомъ „банкротствѣ науки“, легко впасть въ еще новый соблазнъ нападенія на науку какъ разъ именно со стороны этого мнимаго ея „банкротства“. Но прежде всего, вѣдь именно религіи, и особенно религіи христіанской, религіи Любви, слѣдуетъ принципиально уклоняться отъ всякаго рода „нападеній“, а тѣмъ болѣе на науку. Вѣдь наука—это конкретное выявленіе въ мірѣ человѣческаго сознанія все того-же, единого, божественнаго Разума или, говоря религіозно, все того-же Живого Бога, Которому одинаково, но лишь на разныхъ алтаряхъ, служатъ и религіозная вѣра и научная мысль.

Что-же касается уже пережившихъ самихъ себя, грубыхъ притязаній матеріализма, то религіозной апологетикѣ вообще пора перестать возмущаться ими, предоставивъ всю честь побѣды надъ ними тѣмъ уже почти общеизвѣстнымъ доводамъ современной философіи, на которыхъ базируется все болѣе и болѣе прочное, идеалистическое теченіе мысли ¹⁾.

вужнымъ заняться вопросомъ о реорганизаціи преподаванія естественно-научной апологетики. Профессоръ-зоологъ попытался отвѣтять на запросъ путемъ изложенія нѣкоторой общей программы „энциклопедіи естествознанія“, не выходя, однако изъ предѣловъ лишь науки о жизни. Но зато профессоръ физикъ, ограничился сухой рекомендаціей преподавателя *физики*, что можно считать или простымъ недоразумѣніемъ, или-же, что вѣрнѣе, прямо-таки нежеланіемъ даже вдуматься въ возможность какого либо отношенія физики къ богословію. Поэтому совершенно естественно, что вопросъ объ апологетикѣ не получилъ разрѣшенія и до сихъ поръ, хотя, мнѣ думается, что уже тогда же общій путь его разрѣшенія, по крайней мѣрѣ съ программной стороны, былъ намѣченъ проф. Введенскимъ, въ общихъ чертахъ, вполне правильно. (См. „Журналы Сов. Моск. Дух. Акад.“ 1904 годъ, стр. 282—292).

¹⁾ За исключеніемъ почти истерическихъ выкрикиваній Геккеля противъ столь невиннаго ему „дуализма“, обильно разсыпанныхъ въ его

Да и чисто практически, совершенно ошибочно было бы предполагать (это показывает долгій и горькій опыт), что какія-либо нападенія, со стороны религіи, не только на научныя истины, но даже на научныя заблужденія, могут кого нибудь, и въ чемъ нибудь, убѣдить. Всего чаще такимъ путемъ, наоборотъ, достигалось и достигается вовсе не убѣжденіе и „обращеніе“, а лишь озлобленіе и совершенно незаслуженная религіей непріязнь. И если тысячелѣтная апологетическая борьба привела лишь къ справедливому сомнѣнію въ возможности достигъ, такимъ путемъ, хотя-бы нѣкотораго приближенія къ столь желанному, абсолютному синтезу вѣры и знанія, то именно религіозной мысли, взращенной на нивѣ Христа, слѣдуетъ первой вступить на иной путь, путь высшей терпимости, лежащей, по существу, краеугольнымъ камнемъ истинно христіанскаго ученія.

Не борьба съ наукой нужна религіи и даже, пожалуй, не эфемерныя „обращенія“ многихъ „званныхъ“, а лишь дѣйствительно цѣнныя по своей убѣжденности, глубоко прочувствованныя и продуманныя возвращенія въ ея лоно немногихъ „избранныхъ“. Остальное приложится.

Много всякой борьбы и внѣ религіи—ея-же задача не бороться со свѣтомъ разума, но давать тихое прибѣжище и покой всѣмъ „труждающимся“ на тяжеломъ поприщѣ исканій постоянно ускользящей, убѣгающей отъ нихъ въ необозримую даль истины и „обремененнымъ“ всею тяжестью сознанія безсилія человѣческаго разума въ разрѣшеніи самыхъ коренныхъ, самыхъ дорогихъ человѣку проблемъ бытія. Пусть именно такихъ „труждающихся и обремененныхъ“ прежде всего, и безъ малѣйшаго насилія надъ ихъ и безъ того измученной мыслью, религія попытается призвать ко Христу, такъ милостиво общавшему „упокоить ихъ“. И призывъ этотъ не останется тщетнымъ.

На вѣчно колеблющемся, неустойчивомъ пути научныхъ исканій такъ много усталыхъ, извѣрившихся, ищущихъ хотя-бы какого нибудь успокоенія на чемъ нибудь прочномъ, незыблемомъ, мучительно не знающихъ „чѣмъ и какъ жить“

Наиболѣе популярныхъ сочиненія: „Die Welträthsel“ и „Die Lebenswunder“, чистый матеріализмъ, въ востоящее время, какъ извѣстно, находятъ очень мало сколько нибудь серьезныхъ защитниковъ.

и, быть можетъ, въ скрытыхъ тайникахъ своего сердца „чающихъ Христова утѣшенія“. Не даромъ же черезъ всю исторію современной науки красной нитью проходятъ религіозныя „обращенія“ многихъ, и лучшихъ, ея дѣятелей. Не говоря уже о еще какъ-бы обвѣянныхъ средневѣковымъ религіознымъ обаяніемъ, мистическихъ настроеніяхъ Кеплера, Ньютона, и даже Лейбница, мы встрѣчаемъ много иногда совершенно неожиданныхъ религіозныхъ поворотовъ мысли и среди ученыхъ ближайшихъ къ намъ, казалось-бы наиболѣе рационалистическихъ эпохъ. Стоитъ лишь вспомнить съ какой глубиной философскихъ построений подходили къ религіи Кантъ, Шеллингъ, Якоби, и такъ вплоть до почти современныхъ намъ: Дю-Буа-Раймонда съ его знаменитымъ „Ignorabimus!“ до Бэра, Вирхова, Вундта ¹⁾. И даже отецъ позитивизма Огюстъ Контъ кончаетъ построение своей, по существу антирелигіозной системы, превращеніемъ философіи въ совершенно своеобразную религію, съ девизомъ „Vivre pour autrui!“, очень близкимъ къ завѣту Христа — „любить ближнихъ своихъ какъ самого себя“.

Пусть даже не всё эти „обращенія“ были, въ строгомъ смыслѣ, обращеніями къ Христу—важно то, что они были по существу *религіозны*, важно именно то, что въ избранныхъ умахъ и душахъ загорался мистическій свѣтъ религіи, отъ котораго ужъ одинъ шагъ до осіянія истиннымъ свѣтомъ Христовой вѣры.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, всё эти религіозныя обращенія лучшихъ людей науки ясно указываютъ на то, что на призывъ религіи откликнутся не одни лишь измученные и усталые, не одни инвалиды науки, ея банкроты, но наоборотъ—призывъ этотъ найдетъ отзвукъ въ тѣхъ наиболѣе цѣнныхъ умахъ и душахъ, что получили мучительный, но зато и прочный, закалъ въ горниль глубоко-философскаго самосознанія. И именно такихъ людей, прежде всего, религіи необходимо если и не вполне привлечь на свою сторону, то по крайней мѣрѣ, попытаться создать почву для зарожденія въ нихъ

¹⁾ Ср. *E. Haechel*. „Die Welträthsel“, VI Kap Русскіе переводы Минчиной (1907) и Займовскаго (1906): „Міровыя загадки“

Впрочемъ Геккель, со свойственной ему рѣшительностью, приписываетъ такія, по его выраженію, „психологическія метаморфозы“ не чему иному, какъ просто старости (‘)

прочныхъ религіозныхъ симпатій. Вѣдь эти-то люди и есть истинная „соль земли“, вѣдь они то и представляютъ собою тѣ вершины человѣчества, откуда долженъ сіять свѣтъ не только разума, но и вѣры. Это вожди мысли, истолкователи умственныхъ запросовъ человѣчества, ведущіе его по пути безконечнаго прогресса; надо лишь сдѣлать такъ, чтобы этотъ прогрессъ былъ не только научнымъ и моральнымъ, но и *религіознымъ*, о чемъ такъ горячо мечталъ, въ свое время, Вл. Соловьевъ. Лишь такимъ путемъ можно надѣяться достигнуть религіознаго проникновенія Духомъ Божиимъ всей жизни человѣчества, которая лишь тогда и сможетъ приблизиться къ идеалу истиннаго Царства Божія на землѣ. Лишь тогда мы услышимъ изъ устъ *всѣхъ* избранниковъ Божіихъ истинный призывъ грядущаго Христа, и Онъ будетъ всецѣло съ нами!

Но конечно, не естественно-научная апологетика научить вѣровать такіа избранныя души—онѣ найдутъ вѣру сами, и своимъ примѣромъ зажгутъ ее и въ другихъ. Достаточно, если удастся лишь чисто объективно дать толчекъ этому, часто дремлющему въ душѣ направленію мысли въ религіозную сторону, а затѣмъ—всеми силами поддержать это благодатное теченіе.

Но кромѣ этой еще сравнительно не трудной задачи, требующей лишь возможнаго безпристрастія, объективности и абсолютной терпимости въ изложеніи апологетическихъ взглядовъ, передъ естественно-научнымъ апологетомъ открывается еще и другое, несравненно труднѣйшее дѣло убѣжденія не передовыхъ дѣятелей науки, а обыкновенныхъ, рядовыхъ людей, которыхъ придется уже не только критически убѣждать, но прежде всего учить, или, по крайней мѣрѣ, отчетливо выставлять передъ ихъ умственнымъ окомъ основные выводы науки. Это тѣмъ болѣе трудно, что многіе изъ такихъ людей, быть можетъ, почти и не чувствуютъ той высшей духовной неудовлетворенности, что сама собою приводитъ къ религіознымъ уклонамъ мучениковъ и героевъ знанія. Но надо помнить, что время отъ времени, даже у людей одаренныхъ наиболѣе коснымъ умомъ, гдѣ то, въ глубинахъ души, шевелятся тѣ запросы, тѣ инстинктивные, часто почти бессознательныя богоисканія, которыхъ не можетъ миновать ни одно человѣческое существо, не потеряв-

шее окончательно „образа Божія“. Часто именно эти „богоисканія“, смутно сознаваясь душой, въ минуты отчаянія, вырываются наружу въ самыхъ уродливыхъ и отвратительныхъ эксцессахъ животности; но это лишь потому, что человекъ или давно разучился, или не хочетъ, или наконецъ— и это всего чаще—просто *стыдится* вѣрить въ Бога, непосредственно открытаго всякой душѣ. Дойти-же до познанія Бога „въ дѣлахъ Его“ долгимъ и труднымъ искусомъ научнаго познанія ему препятствуетъ прежде всего скудность и разорванность его свѣдѣній. И вотъ, прежде всего, именно дѣло религіи отчетливо показать ему, что онъ стыдится вѣры *ложно*, что онъ имѣетъ такое же неоспоримое нравственное *право вѣрить*, какъ и знать.

Конечно, факты обыденной жизни, повидимому, убѣждаютъ насъ въ томъ, что встрѣчаются люди какъ будто безнадежно далекіе отъ всякихъ духовныхъ запросовъ; но можно, и хочется, вѣрить, что ихъ немного и что они являются исключеніями. Относительно такихъ людей конечно бесполезны какіе либо доводы не только вѣры, но часто и разума. Здѣсь уже если и возможно, то лишь исключительно моральное воздѣйствіе, и вся надежда должна быть возложена уже не на какое либо апологетическое убѣжденіе, а развѣ лишь на религіозную проповѣдь, въ связи съ внѣшними, потрясающими душу, жизненными катастрофами.

Такимъ образомъ, передъ естественно-научной апологетикой открывается еще и болѣе узкая, но зато и болѣе трудная, по существу, просвѣтительная задача.

▀ Обращаясь къ людямъ, не пережившимъ всѣхъ мукъ неудовлетворенности научнаго исканія, уже не достаточно будетъ одного лишь строго объективнаго сопоставленія крайнихъ выводовъ науки съ данными религіознаго опыта, Здѣсь придется не только убѣждать, но и учить; учить, конечно, не истинамъ науки въ полномъ ихъ объемѣ и содержаніи, что было-бы ве въ силахъ и не въ средствахъ апологетики, но *учить вѣровать* сперва научно, а затѣмъ и религіозно. Апологету придется раскрыть передъ умственнымъ взоромъ своихъ слушателей всю захватывающую, но неудовлетворяющую глубину *научной вѣры* въ то, что выставляется чело-вѣческимъ умомъ въ видѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но чисто служебныхъ, методологическихъ гипотезъ, а за-

тѣмъ постараться со всею силою убѣдительности направить ихъ мысль къ совершенно свободному выбору ¹⁾ или, вѣрнѣе, совмѣщенію и взаимному дополненію научнаго и религіознаго Богопознанія.

Такимъ образомъ, центръ тяжести естественно-научной апологетики переносится въ возможно убѣдительное обоснованіе нравственной законности такого выбора съ точки зрѣнія внутренняго самоопредѣленія свободнымъ сужденіемъ разума и влеченіемъ души. Необходимо обосновать со всею строгостью и безпристрастіемъ глубокое право человѣка вѣрить такъ, какъ ему подсказываетъ его внутренней, духовный складъ; показать, что если онъ повѣритъ въ Бога такъ, какъ учитъ религія, то это будетъ лишь' актомъ свободнаго и вполне достойнаго избранія, а быть можетъ и непосредственнаго откровенія, а не принужденія съ той или иной стороны. Человѣкъ долженъ быть наученъ прежде всего *не стыдиться* вѣровать такъ, какъ проситъ его душа.

Вступая на этотъ, по моему мнѣнію, единственно плодотворный путь, естественно-научная апологетика должна, однако, остережъся подходить къ своей задачѣ съ однимъ лишь, уже слишкомъ использованнымъ пріемомъ указанія на „глубоко заложенное въ душѣ человѣка, религіозное чувство“—какъ это дѣлалось и дѣлается черезчуръ часто съ тѣхъ поръ, какъ Кантъ установилъ свою философскую систему практическаго разума.

Избитый пріемъ можетъ сразу отпугнуть наиболѣе скептическіе умы, заставивъ ихъ сразу-же насторожиться и занять недовѣрчиво-подозрительную позицію. Болѣе того—было-бы вполне уместно, сначала даже прямо выставить предположеніе, что такого чувства совсѣмъ нѣтъ въ человѣческой душѣ, а затѣмъ съ возможной отчетливостью показать, какимъ образомъ та-же цѣль Богопознанія можетъ быть достигнута, кромѣ внутренняго, еще и чисто внѣшнимъ путемъ глубокаго (и именно глубокаго, а не поверхностнаго)

¹⁾ Законность такого выбора признается даже Геккелемъ, раздѣляющимъ людей, по ихъ кореннымъ склонностямъ, на двѣ категоріи, сообразно съ преобладаніемъ чисто фізіологическаго развитія „сенсоріума“ (естествоиспытатели монисты), или „фрoвемы“ (метафизики дуалисты). См. *E. Haeckel. Die Lebenswunder, I Kap. S. 7* (Русск. пер. Алексѣева: „Чудеса жизни“ 1908).

изученія окружающей насъ природы. Показать, что именно отсюда неизбежно истекаетъ та неудовлетворенность, что направляетъ мысль къ непосредственному, имманентному познанію мірового Творца и Зиждителя; показать, что если даже эта неудовлетворенность и является могучимъ импульсомъ къ безконечному прогрессу знанія, то познаніе и *чувство* Живого Бога во всѣхъ дѣлахъ его можетъ освѣтить и *освятить* этотъ прогрессъ.

Для тѣхъ, кто по индивидуальному складу своей духовной организаціи, свободно изберетъ путь внутренняго, религіознаго Богопознанія, т. е., другими словами, путь вѣры — открывается затѣмъ вся обширная богословская область, учащая о премудрости и благи Божіей, опирающаяся на внутренній *религіозный опытъ*; для другихъ, не могущихъ отрѣшиться отъ раціоналистическаго взгляда на жизнь и вселенную, остается лишь путь прямого и честнаго агностицизма, опирающагося на *опытъ научный*, и именно въ томъ непритязательномъ направленіи, которое развивается, въ настоящее время ученіемъ Маха и его послѣдователей ¹⁾.

Лишь такимъ образомъ вѣра и разумъ могутъ вступить на путь взаимнаго уваженія и, быть можетъ, въ дальнѣйшемъ, мирнаго сотрудничества въ достиженіи единой, великой цѣли.

Но и этимъ однимъ не должна ограничиваться естественно-научная апологетика. Путь отъ научной вѣры къ религіи долженъ быть завершеиъ развитіемъ той идеи, что исключительно одно лишь естественно-научное міросозерцаніе не можетъ удовлетворить еще и другимъ, — именно поэтическимъ и эстетическимъ запросамъ духа.

Раціонализмъ, послѣдовательно проведенный во всѣхъ областяхъ жизни и, въ частности, въ наукѣ, вынимаетъ изъ жизни всю ея поэзію, обезцвѣчиваетъ ее и замѣняетъ живыя, по существу эстетическіе порывы души сухой и черствой схемой математическихъ построеній. Имъ исключается изъ жизни ея высшая красота, красота эстетическаго созерцанія. Когда говорятъ о красотѣ, или, вѣрнѣе, „изяществѣ“

¹⁾ См. *E. Mach. Analyse der Empfindungen* (Руск. перев. Филиппова: „Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому“, 1904).

математическаго вывода, физическаго эксперимента или химической реакціи, то конечно, здѣсь понятіе красоты употребляется не въ истинномъ, а въ переносномъ смыслѣ. Вполнѣ понятно, что здѣсь получаетъ удовлетвореніе не непосредственное эстетическое чувство, а лишь самолюбующійся разумъ.

Вообще, внеся въ свое дѣло завершительную, поэтическую ноту, естественно-научная апологетика нисколько не теряетъ въ убѣдительности оттого, что попытается показать, что все богатство нашихъ, земныхъ тоновъ ничто передъ божественными цвѣтами небесной радуги. А если, подъ влияніемъ этого, хотя у одного строгаго натуралиста вырвется признаніе: „Мое истинное и дѣйствительное ощущеніе таково, что когда я, созерцая, наклоняюсь къ цвѣтку, изъ него смотритъ на меня и благоухаетъ Божество!“¹⁾—это будетъ уже большимъ шагомъ на пути достиженія апологетической цѣли.

Но конечно, съ перваго взгляда можетъ показаться, что даже и при всемъ этомъ, по самому существу своему строго безпристрастный и какъ-бы холодный призывъ религіи къ свободному выбору ея пути найдетъ отзвукъ лишь въ немногихъ душахъ. Пусть даже это будетъ и такъ—я опять повторяю: религіи нужныѣ немногіе „избранные“, чѣмъ цѣлая толпа „званныхъ“. А затѣмъ, какъ знать, можетъ быть и „избранныхъ“—то ужъ не такъ мало? Можетъ быть лишь пока, при вѣчныхъ спорахъ, гораздо чаще неудачныхъ, по формѣ, со стороны апологетовъ религіи, чѣмъ науки, многія и многія души лишь чисто внѣшне, а не по существу, отвертываются отъ религіи, считая ее чуть ли не главнымъ приобѣжищемъ суевѣрія? Но если-бы исчезла давнишняя распря, исчезла бы и непріязнь, подозрительность и ложный стыдъ, удерживающіе теперь очень многихъ отъ рѣшительнаго религіознаго уклона.

II.

Сущность науки заключается въ описаніи явленій, даваемыхъ наблюденіемъ или опытомъ, въ классификаціи ихъ и,

¹⁾ Ланге, Исторія матеріализма, пер. Н. Страхова, 1899 стр. 690. Вообще надо замѣтить, что чисто эстетическая сторона религіозной апологетики еще совсѣмъ не использована. Но вопросъ объ этомъ такъ широкъ и интересенъ, что, конечно, можетъ быть здѣсь лишь затронуть.

наконецъ, въ созданіи болѣе или менѣе вѣроятныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *удобныхъ* (возможно простыхъ) гипотезъ для ихъ объясненія. Но едва-ли надо говорить о томъ, что чело-вѣческій разумъ не можетъ успокоиться лишь на одномъ хотя-бы и самомъ точномъ *описаніи* явленій природы, или, другими словами, удовольствоваться чистымъ агностицизмомъ въ области естествознанія. Онъ всегда жаждетъ проникнуть глубже эмпирическихъ фактовъ, стремится не только знать ихъ, но и объяснить себѣ ихъ сущность. Эта-то жажда познанія первопричинъ и приводитъ къ созданію научныхъ гипотезъ, превращающихся, при наличности очень большого числа согласныхъ съ ними наблюденій и опытовъ, въ т. н. *законы природы*. Нетрудно обнаружить, что въ сущности, законы *природы* было-бы справедливѣе называть законами, созданными для *природы* творческимъ, синтетическимъ процессомъ познанія, обоснованнымъ лишь на присущихъ чистому разуму коренныхъ свойствахъ, объемлемыхъ строгими схемами кантовскихъ апріорныхъ формъ.

Поэтому-то научныя гипотезы и не имѣютъ характера абсолютной необходимости, а лишь болѣе или менѣе *вѣроятны*, и всегда могутъ быть, въ случаѣ настоящей нужды замѣнены другими, болѣе достовѣрными, или же даже просто болѣе удобными. Всѣ эти гипотезы далеко не обла-даютъ общеобязательной, аподиктической достовѣрностью, присущей напр. аксіомамъ и постулатамъ математики. Онѣ просто лишь *рабочія гипотезы* (*working hypotheses*, какъ назы-ваютъ ихъ англичане), всегда готовые уступить свое мѣсто другимъ, такъ сказать, еще болѣе „работоспособнымъ“. При этомъ не надо забывать, что и ихъ даже чисто вспомога-тельное значеніе играетъ болѣе или менѣе важную роль лишь при изученіи того ничтожнаго уголка вселенной, ко-торый, заключааясь между двумя безпредѣльностями без-конечно-большого и безконечно-малаго, недоступнаго чело-вѣческому опыту, открываεται для нашего научнаго изученія. А справедливы-ли наши гипотезы внѣ предѣловъ этого опыта — мы заключить совершенно не въ правѣ. О какой-же абсолютной достовѣрности можно говорить, если даже, по словамъ извѣстнаго физика Тэта, „возможно, что при быстромъ движеніи солнечной система въ пространствѣ, мы постепенно перейдемъ, можетъ быть, къ областямъ, гдѣ

пространство не имѣть тѣхъ свойствъ, что здѣсь....., гдѣ оно обладаетъ свойствами, которыя могутъ заставитьъ вещество принять, мѣстами, *четвертое* измѣреніе¹⁾, т. е., другими словами, получить особенности, совершенно пока непостижимыя человѣческимъ разумомъ? Если, такимъ образомъ, подвергается сомнѣнію даже однородность пространства вселенной, то что же можно сказать, на примѣръ, объ основномъ законѣ современной физики, о знаменитомъ законѣ сохранения или, вѣрнѣе, эквивалентности превращенія энергіи, если черезъ какое нибудь полстолѣтіе со времени его установленія Майеромъ и Гельмгольцемъ, достоточно было натолкнуться на таинственныя эманации радія для того, чтобы сразу-же усумниться въ его, казалось-бы до сихъ поръ, абсолютной достовѣрности? И вотъ пришлось заговорить объ истеченіяхъ матеріи, объ ея разсѣяніи, о дѣлимости атома, и т. д. И даже, подогнавъ такъ или иначе, путемъ различныхъ натяжекъ и допущеній, явленія радія подъ законъ энергіи предположеніемъ о чрезвычайно медленномъ разсѣяніи его вещества, все-таки приходится согласиться съ Пуанкаре, который говоритъ: „хотя мы и можемъ, пока, успокоиться относительно закона сохранения энергіи на нѣсколько сотъ лѣтъ“ (т. е. до того времени, когда можно будетъ обнаружить первые признаки гипотетическаго „разсѣянія“ матеріи) „но тѣмъ не менѣе“, добавляетъ онъ, „до тѣхъ поръ сомнѣніе остается“²⁾

Но и самое „разсѣяніе матеріи“, которое, напр., такъ стараются доказать Лебонъ³⁾, не покушается ли и оно на самыя коренныя воззрѣнія современной науки, именно на сущность того, что мы называемъ матеріей? Вѣдь уже такимъ образомъ оказывается, что атомъ не только дѣлимъ, но и не вѣченъ; онъ разрушается, въ результатъ чего и являются, яко-бы, различныя виды энергіи, а сама энергія въ концѣ концовъ исчезаетъ, затухаетъ. Такимъ образомъ, научная мысль, совершивъ заколдованный кругъ, опять приходитъ къ понятію энтропіи, этой „тѣни энергіи“⁴⁾ угрожающей міру конечнымъ

1) *Témь*. О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній, 1877. Цитирую по Челпанову: „Мозгъ и душа“, 1906, стр. 207.

2) *Poincaré* La Valeur de la Science, ch. VIII, p. 199.

3) *Le Bon*. L' Evolution de la Matière, 1905

4) *F. Auerbach*. Die Weltherrin und ihr Schatten, 1902 (Русскій переводъ „Царяца міра и ея тѣнь“, 1905).

покоемъ небытія. А между тѣмъ именно такой выводъ, какъ извѣстно, уже сопутствовалъ самому народженію закона сохранения энергіи, базируясь на необратимости термическихъ процессовъ.

Но даже считая, пока, незыблимою ту часть закона сохранения энергіи, которая говоритъ объ эквивалентности ея превращеній, что безспорно подтверждается опытомъ, все таки, даже помимо новѣйшихъ сомнѣній въ справедливости этого закона, по существу едва-ли мы въ правѣ довѣрять второй его части, провозглашающей *постоянство* міровой энергіи. Это положеніе совершенно недоказуемо уже по одному тому, что для этого необходимо было-бы познаніе вселенной во всемъ ея безконечномъ цѣломъ, что очевидно невозможно. Но зато отсюда-же проистекаетъ и полнѣйшая гипотетичность упомянутаго выше мрачнаго закона энтропіи.

Въ тѣснѣйшей связи съ закономъ энергіи стоитъ гипотеза эфира и выросшее изъ нея т. н. *механическое міросозерцаніе*. Недалеко то время, когда это міросозерцаніе казалось всеобъемлющимъ, всеобъясняющимъ (даже въ области явленій жизни!), исключаящимъ изъ области знанія все то, что презрительно называлось „метафизикой“, и когда особенно настойчиво рекомендовалось „физикѣ бояться метафизики“. Казалось, что наконецъ-то хоть въ области простыхъ, количественныхъ отношеній создано что-то незыблемое, нѣчто универсальное. Но уже очень скоро обнаружилось, что и механическое міропониманіе есть не что иное, какъ простая служебная гипотеза, имѣющая за собою лишь преимущество наибольшей удобопріемлимости (Герцъ), или экономичности мысли (Махъ) при данномъ состояніи знаній.

Болѣе того — оказалось вполне логически доказуемымъ, что если существуетъ одно какое нибудь механическое объясненіе явленій природы, то возможно построеніе произвольнаго числа и другихъ, столь-же справедливыхъ механическихъ объясненій, такъ что за существующимъ и общепринятымъ остается лишь достоинство наибольшей простоты ¹⁾. И вотъ, вмѣсто возможности, хотя-бы въ далекомъ будущемъ, всеобъемлющаго объясненія первопричинъ, меха-

¹⁾ См. *Poincaré La Science et l'Hypothèse*, ch VII; В. А. *Михельсонъ*. О многообразіи механическихъ теорій физическихъ явленій.

никъ отводится лишь сравнительно весьма скромная роль созданія *динамическихъ моделей* математической физики ¹⁾, а по словамъ Кирхгоффа: „задача механики сводится лишь къ полному и возможно простому *описанію* движеній, происходящихъ въ природѣ“ ²⁾.

Наконецъ, если, исходя изъ электромагнитной теоріи свѣта, окажется возможнымъ, какъ думаютъ нѣкоторые, „электрологизировать“ механику, а за нею, быть можетъ и всю область естественныхъ наукъ ³⁾, то механикъ придется окончательно сохранить за собою лишь высокое методологическое значеніе, а еще недавно столь гордому своимъ вліяніемъ „механистическому міровоззрѣнію“ отойти въ область сыгравшихъ свою роль научныхъ доктринъ.

Еще рѣзче скромная относительность научнаго познанія выступаетъ въ *атомистической гипотезѣ*. Прежде всего отмѣтимъ, что несмотря на ея тысячелѣтнюю давность, атомъ всегда представлялся для однихъ „маленькимъ твердымъ тѣльцемъ“ (Демокритъ, Декартъ), для другихъ — „непротяженной точкой приложенія силъ“ (Босковичъ, Фарадэй, Фехнеръ), для третьихъ — „вихревымъ кольцомъ“ (Томсонъ), не говоря уже о „монадахъ“ Лейбница или „ощущающихъ частицахъ“ Геккеля, могущихъ чувствовать даже „удовольствіе и неудовольствіе“ (!) ⁴⁾.

При первомъ-же столкновеніи съ радіемъ, возникаетъ роковая альтернатива необходимости пожертвовать, для объясненія новыхъ, таинственныхъ явленій, однимъ изъ основныхъ законовъ. По различнымъ соображеніямъ предпочитаютъ спасти болѣе новый законъ энергіи, для чего и приходится разщепить доселѣ „недѣлимый“ атомъ на электроны ⁵⁾. И тотчасъ-же появляется намекъ на возможность и

1) *Kirchhoff*, Бесѣды о механикѣ, 1907, стр. 326 и сл.

2) *Kirchhoff*. Vorlesungen über mathematische Physik, 1897, S. 1

3) *В. А. Михальсонъ* Физика передъ судомъ прошедшаго и передъ запросами будущаго. (Актъ рѣчь въ Моск. Сельскох. Инст. въ 1900 г.)

4) „Die Lebenswunder“, XIX Kap., S. 187.

5) *Gruber*. Die radioactiven Substanzen und die Theorie des Atomzerfalls. 1906. Интересно, при этомъ, какъ дѣля атомъ на электроны, стараются по крайней мѣрѣ (по Лоренцу, Лармору и др.), спасти *индивидуальность атома*, предполагая, что онъ представляетъ собою пѣчто вроде планетной системы съ электронами-планетами (Ср *Pio*. La structure mecanique des atomes chimiques; Revue Scientifique 1907, t VIII, № 17)

ихъ дальнѣйшаго разщепленія хотя-бы потому, что приходится считаться съ феноменами, указывающими на непостоянство массы самого электрона, что, пока, лишь болѣе или менѣе обходится чисто механическимъ объясненіемъ (вихревымъ строеніемъ атома) ¹⁾.

Но при всей законности перехода, путемъ разщепленія атома, къ новой служебной гипотезѣ, все-таки невольно приходится задуматься надъ открывающейся такимъ образомъ бездной безконечной дѣлимости.

Единство матеріи замѣняется гипотезами о различныхъ видахъ ея: предполагають, что существуетъ „матерія химическая“ (атомы), обладающая лишь притягательными свойствами, затѣмъ „матерія эфирная“ (эфиръ)—отталкивательная; быть можетъ еще „особая матерія“ для электроннаго объясненія явленій электричества, и т. д. ²⁾ Такъ что, въ концѣ концовъ, раздѣленію подвергается не только атомъ, но и сама „единая“ матерія.

Существуетъ еще путь спасенія отъ атомовъ въ замѣнѣ ихъ различными видами энергіи, какъ это дѣлають современные „энергетики“ съ Оствальдомъ во главѣ, но затѣмъ здѣсь уже приходится прибѣгнуть къ предположеніямъ существованія такихъ „энергій“, самыя названія которыхъ звучать нѣсколько странно, напр. къ „энергіи поверхности“, „энергіи объема“, „энергіи формы“ и т. д. ³⁾ И здѣсь угрожаетъ намъ если не бездна безпредѣльной дѣлимости, то туманная даль безчисленныхъ „энергій“, которыя потребуются создавать по мѣрѣ встрѣчи съ новыми явленіями.

Невольно начинаетъ казаться, что еще ни въ чемъ такъ не выражалось безсиліе науки пролить хоть какой-нибудь свѣтъ въ область „первопричинъ“, какъ въ современной лихорадочности различныхъ „дѣленій“ и въ нагроможденіи все новыхъ и новыхъ видовъ, и матеріи, и энергіи. Точно какой-то вихрь начинаетъ увлекать человѣческую мысль отъ величаваго единства природы, еще столь недавно бывшаго кумиромъ естествознанія, къ все болѣе и болѣе развиваю-

¹⁾ См *Pellat*. De la variation de la masse des électrons à l'intérieur de l'atome (Comptes rendus d l'Ac d. Sciences 1907, t. CXLV, № 17)

²⁾ См *Pio* La structure mecan. d atomes, ch I

³⁾ *W. Ostwald* Vorlesungen über Naturphilosophie, 1902, IX Vorl., S. 198—201 (Русскій переводъ Котляра: „Натуръ-философія“)

щейся „множественности“, устранить которую пока не въ силахъ самыя остроумныя монистическія попытки. Что это? Показатель-ли того, что человѣчество подошло къ рубежу, за которымъ ему суждено пережить „муки рожденія“ новыхъ, еще невѣдомыхъ міровоззрѣній, или-же дѣйствительно, по мрачнымъ словамъ Соловьева: „Историческая драма сыграна, и остался одинъ эпилогъ, который, впрочемъ, можетъ самъ растянуться на пять актовъ“? ¹⁾ Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ современнымъ, если можно такъ выразиться, „гипотезамъ раздробленія“ едва-ли не грозитъ та-же участь, которая постигла тѣ многочисленныя „тонкія жидкости“, которыми стремились объяснить и, въ свое время, казалось, объясняли много необъяснимаго наши дѣды, о чемъ теперь принято говорить лишь иронически.

Но въ результатѣ всего этого все таки, и быть можетъ сильнѣе чѣмъ когда нибудь, выдвигается настоятельная потребность хотя-бы на время *научно увѣровать* или въ „невѣсомый“, но однако „твердый и упругій“ эфиръ ²⁾, или въ „недѣлимые“ если уже не атомы, то электроны, или-же, наконецъ, при энергетическомъ міровоззрѣніи — въ неопредѣленное число различныхъ видовъ энергіи.

Обращаясь отъ неорганизованной природы къ явленіямъ жизни, легко и здѣсь прійти къ совершенно подобному-же выводу.

Основной законъ жизни—законъ эволюціи—имѣетъ чисто эмпирической характеръ, и поскольку онъ является синтезомъ установленныхъ путемъ обширнаго наблюденія, и отчасти опыта, извѣстныхъ правильностей въ процессахъ органической природы—представляется лишь прекрасно обобщающей *схемой*. Съ такой точки зрѣнія, этотъ законъ можетъ быть, пожалуй, распространенъ и за предѣлы области жизненныхъ явленій, хотя-бы напр. на извѣстную въ химіи „эволюцію“ органическихъ кислотъ, на развитіе кристалловъ

¹⁾ Сочин., т VIII, стр. 586.

²⁾ Но лордъ Кельвинъ уже находить, что „теорія анизотропнаго твердаго тѣла, съ его двадцатью одной упругой постоянной, представляется слишкомъ сложной для оптическаго двойнаго лучепреломленія, которое имѣетъ гораздо болѣе простой характеръ“ *Kelvin. Baltimore Lectures on Molecular Dynamics and the Wave Theory of Light, 1904.* Цитирую по Кирлицеву: „Бесѣды о механикѣ“, стр. 363.

и т. п., при чемъ, какъ извѣстно, это послѣднее является особенно излюбленной *аналогіей* развитія индивидуальныхъ жизненныхъ формъ. Схематическій характеръ закона эволюціи дѣлаетъ его очень заманчивымъ для самаго безграничнаго подгонянія подъ его схему самыхъ разнообразныхъ явленій, что, какъ извѣстно, и примѣняется весьма широко ярыми „эволюціонистами“, вродѣ Геккеля.

Но при всей практической важности такихъ схематизацій, во всѣхъ ихъ тотчасъ же чувствуется полное отсутствіе хотя-бы какого нибудь объясненія причины, дающей тому или иному процессу развитія толчекъ именно въ томъ направленіи, въ которомъ онъ совершается. А если такое объясненіе и появляется, то оно тотчасъ же строится на гипотезѣ, предлагающей „повѣрить“, что дѣло совершается именно такъ, а не иначе. Такъ, напр. тотъ же Геккель, пытаясь объяснить упомянутую выше „эволюцію“ органическихъ кислотъ, приходитъ къ необходимости принятія особаго молекулярнаго строенія и даже особой формы молекулы бѣлеваго углерода ¹⁾.

Вообще эволюція органическаго вещества, даже съ чисто-химической стороны, заставляетъ прибѣгать къ различнымъ, очень мудренымъ предположеніямъ (вродѣ чудовищной многоатомности бѣлка, остроумныхъ стереохимическихъ построеній Вантъ-Гоффа, и т. п.).

Но если отъ направляющихъ причинъ перейти къ перво-причинамъ зарожденія жизни на землѣ, то тутъ уже начинается цѣлый рядъ самыхъ фантастическихъ принятій „на вѣру“, доводящій напр. Геккеля до измышленія „третьяго атрибута субстанции“, ея „общаго ощущенія“, или „психомы“, чѣмъ тотчасъ-же, и въ корень, подрывается все такъ тщательно возводимое имъ зданіе „последовательнаго“ монизма ²⁾. А какихъ ухищреній не прилагается къ тому, чтобы перекинуть мостъ отъ неорганическаго къ органическому, или отъ движенія къ ощущенію. Тутъ выдвигается и загадочное явленіе катализа ³⁾, и „избыточный ростъ“ клѣтки ⁴⁾, приводящей ее къ дѣленію, и даже сравненіе мозговой клѣтки съ

1) Ср. *Ланге*: Исторія матеріализма, стр 536

2) „Die Lebenswunder“ XIX Kap., S 185.

3) Ibid. XV Kap. S 140.

4) Ibid. XI Kap., S 94.

цѣлой химической лабораторіей ¹⁾, что, конечно, отнюдь не разрѣшая основного вопроса, лишь перемѣщаетъ его отъ одной загадки къ другой.

Вообще нетрудно замѣтить, что законъ эволюціи открываетъ столь же безграничное поле для включенія самыхъ разнообразныхъ явленій жизни въ предѣлы наслѣдственности, приспособленія, клѣточной памяти и т. п., какъ и безконечная дѣлимость атомовъ или безчисленное размноженіе видовъ энергіи—для явленій физическихъ. Знаменитый законъ Дарвина, установившій понятіе объ естественномъ и половомъ подборѣ, доставляетъ и теперь чуть ли не главный матеріалъ для апологетической полемики, хотя казалось бы, что онъ не могъ возбудить особенной тревоги съ этой стороны уже по одному тому, что представляетъ собою лишь остроумную *догадку*, обоснованную, за недоступностью требующагося, вѣкового опыта, лишь на сравнительно очень немногочисленныхъ и неубѣдительныхъ опытахъ искусственнаго подбора, являющагося лишь нѣкоторой *аналогіей* естественнаго. Но отличаясь, въ сущности, отъ общаго закона эволюціи лишь привнесеніемъ ученія о борьбѣ за существованіе, законъ Дарвина является шагомъ впередъ, лишь какъ одна изъ *попытокъ* къ объясненію большинства феноменовъ жизни. Поэтому и здѣсь, какъ только мы пожелали бы возвести его въ абсолютный законъ природы, тотчасъ же оказалось бы необходимымъ положить краеугольнымъ камнемъ его вѣру въ чистую случайность появленія выгодныхъ для вида первичныхъ особенностей, да еще, пожалуй, и загадочный фактъ поддержанія и сохраненія каждой изъ нихъ въ теченіи того періода, пока еще не достигнута надлежащая интенсивность, достаточная для перваго выступленія данной особенности на арену борьбы за существованіе, въ чемъ совершенно справедливо сомнѣваются Негели и Бэръ ²⁾. Даже самое понятіе вида есть, въ сущности, не что иное, какъ одинъ изъ догматовъ научной вѣры, если и не вполне „сுவѣріе“, какъ, быть можетъ, уже черезчуръ рѣшительно выражается Ланге ³⁾. „Если-бы“—говорить онъ далѣе—„че-

¹⁾ Ibid. XIV Kap., S 134; XVIII Kap., S. 167.

²⁾ *Reinke*, Die Welt als Tat 1905, S 397—398

³⁾ „Можетъ быть, во всей новѣйшей наукѣ нѣтъ примѣра подобнаго несомнѣтельнаго и въ то же время грубаго суевѣрія, какъ суевѣріе *вида*

ловѣкъ началъ свое изученіе существъ природы съ низшихъ животныхъ, то, вѣроятно, никогда не возникло-бы столь свято чтимое многими понятіе вида. Взглядъ, который мы въ настоящее время должны составить себѣ на весь рядъ организмовъ, не представляетъ уже ряда ступеней идущихъ въ правильномъ и ясномъ порядкѣ отъ низшаго до высшаго; но мы имѣемъ передъ собою огромный нижній этажъ всей системы, который еще находится въ постоянномъ движеніи, а изъ него поднимаются вверхъ все рѣзче и рѣзче обозначенныя и яснѣе раздѣленныя формы высшихъ растений и животныхъ“¹⁾.

Такимъ образомъ ясно, что и законъ Дарвина, при всей геніальности создаваемой имъ схемы, строится лишь исключительно на научномъ догматѣ вида, при чемъ отнюдь не невозможна замѣна, въ дальнѣйшемъ, этого догмата инымъ, болѣе удобнымъ съ точки зрѣнія рабочей гипотезы.

Даже въ наименѣ всего поддающейся экспериментальному изслѣдованію области психической жизни, въ концѣ концовъ, приходится повѣрить въ существованіе особой „духовной субстанціи“, понимаемой, впрочемъ, современными мыслителями (Вундтъ, Паульсенъ) въ смыслѣ нѣкотораго Единства, включающаго въ себѣ отдѣльныя духовныя состоянія²⁾. Легко замѣтить, что здѣсь уже научная вѣра особенно близко подходитъ къ тому, что именно и стремится раскрыть намъ вѣра религіозная, а потому для естественно-научной апологетики особенно ободряюще звучать слѣдующія слова проф. Челпанова: „Въ современной философіи, тѣ, которые признаютъ существованіе души, признаютъ и ея субстанціональность, если не прямо, то во всякомъ случаѣ косвенно“³⁾.

Переходя отъ міра конкретныхъ явленій къ абстрактнымъ построеніямъ разума въ области геометрическихъ понятій, мы, къ удивленію, и здѣсь встрѣчаемъ совершенно логическое доказательство безграничнаго многообразія возможныхъ построеній понятія о пространствѣ. Оказывается, что на ряду

и, вѣроятно, мало такихъ пунктовъ, въ которыхъ можно убаюкиваться такимъ безпочвенными аргументаціямъ и все снова впадать въ догматическій сонъ“ *Ланге*, *Ист. мат.*, стр. 514.

1) *Ibid.*, стр. 525.

2) См. *Челпановъ*, *Мозгъ и душа*, стр. 347, 352.

3) *Ibid.*, стр. 362

съ *наиболѣе удобной* и простой геометріей Эвклида, могутъ быть развиты, со всею строгостью логики, геометріи Лобачевскаго и Римана, и даже вообще геометріи произвольнаго числа измѣреній ¹⁾.

Такимъ образомъ и здѣсь оказывается, что даже такія, казалось-бы совершенно наглядныя истины, какъ постулатъ Эвклида, имѣють, по существу, характеръ не чего нибудь абсолютнаго, а лишь являются болѣе простыми и удобо-приложимыми для прокитическихъ цѣлей.

Ко всему сказанному необходимо присоединить еще и слѣдующія соображенія относительно общаго значенія и предѣловъ научнаго опыта съ исторической точки зрѣнія.

Шеллингъ, приступая къ построенію своей натурфилософской системы, опредѣляетъ науку слѣдующимъ образомъ: „Наука“ — говоритъ онъ — „есть раціональная наука, овладѣвающая историческимъ матеріаломъ и понимающая его, какъ явленіе разума“ ²⁾.

Въ области естественныхъ наукъ, „историческимъ матеріаломъ“ является вся совокупность опыта, накапливаемая цѣлыми столѣтіями, путемъ непосредственнаго, чувственнаго наблюденія природы и, отчасти, путемъ эксперимента. Нельзя не видѣть, что громадный запасъ опыта, которымъ располагаетъ современная наука, накаплиаясь все съ болѣею и болѣею быстротою, благодаря прогрессирующей техникѣ экспериментальныхъ приемовъ, лишь въ сравнительно недавнее время началъ освѣщаться съ надлежащей точностью и проницательностью философскаго сужденія.

Но даже, если-бы область исторіи опыта можно было распространить на все прошлое, сознательное существованіе человѣчества, то все-таки получился-бы промежутокъ времени всего въ нѣсколько тысячелѣтій, положительно ничтожный даже по сравненію хотя-бы съ геологическими эпохами жизни земнаго шара и совершенно исчезающій передъ вѣчностью. Поэтому, если-бы пользуясь геометрическимъ приемомъ

1) См. *Boucher. Essai sur l'Hyperespace* 1905, ch. IV. Отсюда ужъ одинъ шагъ до умозрительнаго признанія возможности произвольнаго числа измѣреній пространства и, наконецъ, до того смѣннія въ его однородность, которое высказываетъ Тэтъ (см. выше, стр 267)

2) *Кун-Фишеръ* Исторія новой философіи, т. VII, стр. 604

пзображенія всякой закономѣрности, мы попытались-бы представить ее нѣкоторой кривой линіей, то очевидно, что въ предѣлахъ сравнительно ничтожно-малаго періода человѣческихъ наблюденій, соответствующій элементъ такой линіи совершенно не характеризоваль-бы ея истинной, окончательной формы, вполне подобно тому, какъ очень малая дуга всякой кривой линіи можетъ быть приписана, съ одинаковой точностью, и окружности, и эллипсу, и параболѣ, и т. д.

Я позволилъ себѣ это геометрическое сравненіе для того, чтобы особенно настойчиво подчеркнуть, что въ предѣлахъ ограниченнаго времени научнаго опыта, та или иная изъ гипотезъ, какъ-бы она не казалась абсолютно-справедливой, всегда должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія возможности того, что она, быть можетъ, по существу, въ неизмѣримой жизни вселенной, имѣетъ лишь самое отдаленное отношеніе къ истинному процессу эволюціи міра. Принимая же хотя-бы временную, чисто служебную, условную абсолютность даннаго научнаго закона, мы тѣмъ самымъ тотчасъ-же возводимъ его въ достоинство *догмата научной вѣры*. И если понимать научный догматизмъ въ строгомъ значеніи слова, т. е. какъ вѣру въ какіе-то, совершенно неизблѣмые, разъ навсегда установленные принципы, то, конечно, наукѣ надо было-бы всѣми силами беречься отъ мертвящаго успокоенія на такихъ *неподвижныхъ* догматахъ, такъ какъ весь ея прогрессъ зиждется именно на постоянномъ движеніи всей массы образующихъ ее, относительныхъ знаній.

Для поясненія того смысла, въ которомъ слѣдуетъ понимать научный догматъ, быть можетъ достаточно ужъ и того, что было сказано выше, хотя, въ предѣлахъ настоящей статьи пришлось невольно ограничиться лишь крупными и общими чертами. Но и изъ этого, сравнительно очень краткаго и общаго очерка конечныхъ выводовъ современнаго естествознанія легко усмотрѣть, что научная мысль или должна впасть въ совершенно безплодный скептицизмъ, или спастись въ убѣжище агностицизма, или же,—наконецъ, хотя-бы временно *увкрывать* въ догматическія основоположенія созидаемыхъ ею-же гипотезъ.

Скептицизмъ, какъ-бы онъ не былъ обоснованъ, всегда игралъ и играетъ роль лишь возбудителя мысли, которая не можетъ успокоиться и размѣняться на скептическія мелочи.

Агностицизмъ, выливающийся въ форму авенаріусовскаго „чистаго опыта“, можетъ лишь привести къ самому точному, самому систематическому описанію явленій природы; но въдь какъ-бы не были прекрасно составлены его систематизированныя „таблицы“ явленій, какъ-бы широко не опирался онъ, въ области изучаемыхъ имъ, чисто количественныхъ отношеній на могучее орудіе математики, тѣмъ не менѣе едва-ли и онъ сможетъ успокоится даже на такомъ недостижимомъ научномъ идеалѣ, который рисуетъ Лапласъ, говоря: „Умъ, который во всякій данный моментъ знаетъ-бы всѣ силы, одушевляющія природу и взаимныя отношенія существъ, ее населяющихъ, и если-бы, кромѣ того, онъ былъ настолько могучъ, чтобы подвергнуть всѣ эти данныя анализу, обнять единой формулой движенія какъ громадныхъ небесныхъ тѣлъ, такъ и ничтожнѣйшаго атома, то для него было-бы все ясно—будущее и прошедшее было-бы одинаково открыты его очамъ“¹⁾.

Безъ этого же придется или, вспоминая эпиграфъ настоящей статьи, „изъ за буквъ не увидать Иліады“, или же, чѣмъ особенно принято гордиться, перенести весь центръ тяжести научнаго прогресса въ прикладную, техническую область удовлетворенія чисто матеріальныхъ потребностей человѣчества. Тутъ ужъ конечно, прогрессъ безграниченъ, но зато возникаетъ опасность постепеннаго потопленія духа въ безднахъ самоудовлетвореннаго тѣла. А если стать на оригинальную точку зрѣнія Вл. Соловьева, то пожалуй окажется справедливымъ и то, что „магическая и механическая техника этого дѣла (т. е. „творить знаменія великія и заставлятъ даже огонь сходить съ неба предъ лицомъ людей“. Апокал. XIII, 13) не можетъ быть намъ заранѣе извѣстна, и можно только быть увѣреннымъ, что черезъ два или три вѣка она уйдетъ очень далеко отъ теперешней, а что именно при такомъ прогрессѣ возможно будетъ для такого чудодѣя (т. е. для того, кто „сотворитъ знаменія великія“) — объ этомъ я не берусь судить“²⁾.

То, что я называю *догматическими основоположеніями науки*,

¹⁾ *Laplace. Essai philosophique sur les Probabilités*, p. 2 Цитирую по подлинной выдержкѣ изъ сочиненія Лапласа, помѣщенной въ книжкѣ: *E. du Bois-Reymond: Ueber die Grenzen des Naturerkenntens*, 1907, S. 54

²⁾ Сочин. т. VIII, стр. 459

сводится, въ сущности, лишь къ немногимъ гипотезамъ, изъ которыхъ едва-ли не самыми прочными являются: эквивалентность превращенія энергіи и всемірное тяготѣніе, абсолютный, казалось-бы, характеръ котораго, однако, всетаки нарушается нѣкоторыми явленіями вродѣ хотя-бы трудно объяснимыхъ отклоненій въ движеніи Меркурія ¹⁾. Объ остальныхъ гипотезахъ, какъ научныхъ догматахъ, едва-ли надо упоминать, такъ какъ всѣ онѣ носятъ настолько временный, „рабочій“ характеръ, что именно догматическаго увлеченія ими боялся Ньютонъ, говоря: „Hypotheses non fingo!“. Все это показываетъ, что такъ или иначе, но приходъ къ тому или иному виду вѣры неизбѣженъ, а слѣдовательно тотчасъ-же выдвигается и тѣсно связанный со всякой вѣрой догматизмъ. Надо лишь, чтобы неизбѣжный научный догматизмъ обладалъ совершенно безпристрастною самооцѣнкой, показывающей его чисто служебный, временный характеръ, а затѣмъ—отнесся съ полною терпимостью къ тѣмъ догматамъ религіозной вѣры, которые вырастаютъ изъ актовъ религіознаго опыта и изъ мистическихъ настроеній соотвѣтственнымъ образомъ организованныхъ душъ. Пусть наука, со столь присущей ей терпимостью, признаетъ, что вполне законенъ догматизмъ и религіозный, который отличается именно тѣмъ абсолютнымъ, успокаивающимъ постоянствомъ, которое вытекаетъ лишь изъ святыхъ откровеній Христовой вѣры. Пусть каждый изъ насъ получить твердое нравственное право искать Бога по своему, не боясь ни фанатической нетерпимости, ни глумленія, ни нападокъ съ той или иной стороны. Пусть тотъ, кто идетъ къ познанію Бога въ природѣ тяжелымъ и труднымъ путемъ исканія Истины, не отвертывается съ незаслуженнымъ презрѣніемъ отъ того, кто, по складу своей души, избираетъ путь религіи, который, быть можетъ не менѣе тяжелъ, если исходить изъ глубинъ истиннаго духовнаго опыта.

Во всестороннемъ развитіи именно этой идеи и можетъ состоять единственно допустимый для естественно - научной апологетики полемическій приѣмъ убѣжденія въ истинахъ вѣры, который долженъ, конечно, прежде всего найти сочувствіе и дружную помощь со стороны общаго богословія:

1) *Die Ueber Fernwirkungen*, Wied. Annalen 1897, Bd. 62 S. XXVII u. f.

а оно, въ свою очередь, принявъ на себя дѣло дальнѣйшаго развитія религіозно направленной мысли и, отнесясь къ научному догматизму *sine ira et studio*, должно всѣми силами своими показать, что догматы религіознаго Богопознанія, по существу своему, вѣчны, являясь актомъ Божественнаго Откровенія.

III.

Практическое осуществленіе открывающейся такимъ образомъ основной задачи естественно-научной апологетики представило-бы, конечно, совершенно непреодолимья трудности, если-бы ясное раскрытіе роковой неизбѣжности научной вѣры пришлось строить на изложеніи всѣхъ необходимыхъ для этого научныхъ знаній въ хотя-бы приблизительной ихъ полнотѣ. Необозримое развитіе современной науки уже давно поставило даже специалистовъ въ необходимость знать, лишь „кое что обо всемъ, но зато *все* кое о чемъ“. Поэтому здѣсь придется попытаться избрать иной путь, и путь этотъ намѣчается тѣмъ могучимъ аналитическимъ методомъ, который въ теченіи послѣдняго столѣтія привелъ именно къ тому громадному прогрессу, котораго достигло хотя-бы механическое объясненіе явленій неорганическаго міра изъ основнаго, исходнаго положенія Лагранжа ¹⁾.

Но методъ этотъ сталъ возможнымъ лишь тогда, когда громадная масса накопленныхъ путемъ наблюденія и опыта фактовъ позволила сдѣлать широкія обобщенія и установить наиболѣе общіе, синтетическіе принципы.

Современная наука уже обладаетъ въ различныхъ своихъ областяхъ именно такими основоположеніями, тѣсно сплетающимися съ цѣлымъ рядомъ наиболѣе вѣроятныхъ, удобныхъ, а потому и общепринятыхъ гипотезъ. Естественно-научная апологетика должна принять за исходный пунктъ своей задачи именно этотъ, сравнительно небольшой рядъ основныхъ на-

¹⁾ „Формула Лагранжа управляетъ всѣми явленіями неорганическаго міра—она представляетъ собою общій міровой законъ“ (*Делоне. Курсъ теоретической механики, 1902, стр. 101*). Еще болѣе обобщаетъ такое воззрѣніе Махъ, говоря: „Всякой физическое постоянство сводится, въ концѣ концовъ, къ выполненію одного или нѣсколькихъ *уравненій*, т. е. къ взаимному при смѣнѣ явленій закону“ (*См. В. В. Шарвинъ. Живой и мертвый капиталъ природы, 1906, стр. 27*).

учныхъ законоположеній; выставить ихъ со всею силою философскаго убѣжденія передъ глазами тѣхъ, къ кому она обращаетъ свое слово и, наконецъ, совершенно объективно и безъ всякаго полемическаго пыла, критически показать неизбежность научной вѣры и связаннаго съ нею, научнаго, если такъ можно выразиться, *подвижнаго* догматизма. Такимъ образомъ, въ сущности, апологетикѣ придется держаться на почвѣ уже далеко не новаго, а особенно для получающихъ довольно хорошую философскую подготовку студентовъ-богослововъ, философскаго критицизма, но лишь въ примѣненіи его къ области естествознанія.

Для воспріятія выставляемыхъ такимъ образомъ, и вообще довольно хорошо разработанныхъ съ философской стороны, основныхъ принциповъ современной науки, въ сущности, не потребуются детальной и всесторонней, естественнонаучной подготовки слушателей, что было бы кому-же и невозможно. Достаточно, если они смогутъ лишь *понять* современное теченіе естественныхъ наукъ, схватить ихъ взаимную связь изъ ихъ историческаго сопоставленія и, наконецъ, усвоить ихъ методы на основаніи принциповъ общей методологіи. А это особенно важно потому, что естественно-научному апологету прежде всего придется имѣть дѣло съ людьми, получающими лишь спеціально-богословскую подготовку, каковыми являются студенты духовныхъ академій. Апологетъ не долженъ и пытаться вести своихъ слушателей совершенно недоступнымъ для нихъ путемъ тяжелаго и кропотливаго синтеза, да кому-же этотъ путь уже и пройденъ другими людьми, спеціально посвятившими себя естественно-научному дѣлу. Остается лишь съ глубокою благодарностью, воспользоваться добытыми конечными результатами для аналитическаго развитія апологетическихъ идей. Такимъ образомъ исходная задача естественно-научнаго апологета сводится къ обзору всего пройденнаго наукою пути съ вершинъ того синтеза, который созданъ трудами предыдущихъ поколѣній. Конечно, это потребуетъ отъ самого руководителя очень большаго умѣнья сообщить своимъ слушателямъ надлежащую умственную зоркость и ширину кругозора. Для этого, прежде всего, его собственная естественно-научная подготовка должна быть по возможности энциклопедичной, а главное — хорошо проработанной съ чисто философской сто-

роны. Само собою разумѣется, что потребуется и достаточная богословская вооруженность. Дѣйствительно, вѣдь краеугольнымъ камнемъ апологетическаго изложенія, кромѣ строгой его логичности и объективности, непременно окажется и прямо-таки психологическая необходимость того, чтобы самъ апологетъ обладалъ по возможности высокой авторитетностью въ глазахъ слушателей, вообще привычныхъ нѣсколько настораживаться передъ каждой апологетической попыткой. Надо, чтобы прежде всего создалась атмосфера довѣрія и уваженія къ научнымъ познаніямъ апологета. Но мало того—человѣку, принявшему на себя трудную, но, думается и весьма интересную задачу естественно-научной апологетики, необходимо еще обладать и извѣстнымъ даромъ образнаго творчества для того, чтобы умѣть выставлять не только убѣдительно, но рельефно и занимательно все то, что можетъ оказаться наиболѣе нужнымъ и характернымъ. Много труда придется вложить въ это дѣло, но задача оправданія нравственной законности свободнаго, убѣжденнаго выбора вѣры такъ высока и прекрасна, что трудъ этотъ будетъ истинно во славу Божию!

Обращаясь къ способу выполненія апологетической задачи, можно, въ общихъ чертахъ, намѣтить и ту программу, ту логическую послѣдовательность изложенія, которой было-бы цѣлесообразно придерживаться въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Вглядываясь въ безконечное разнообразіе современныхъ научныхъ принциповъ, въ сущности, всѣ ихъ можно свести къ слѣдующимъ тремъ основнымъ группамъ:

1. Законы матеріи
2. Законы физическихъ явленій жизни
3. Законы психическихъ явленій.

Каждая изъ этихъ группъ включаетъ въ себѣ нѣсколько частныхъ, исчерпывающихъ ее подраздѣлений, которыя, въ свою очередь, тоже можно привести къ сравнительно небольшому числу отдѣльныхъ закономѣрностей, установленныхъ со всею строгостью современныхъ научныхъ приѣмовъ и воззрѣній.

Законами матеріи являются два, именно: *законъ сохранения матеріи* (принципъ Лавуазье), находящійся въ прямомъ соотношеніи съ атомистической гипотезой, и т. п. *законъ сохранения энергіи*. (принципъ Майера), тѣсно связанный съ ги-

потезой эфира и дающій основной матеріаль для механистическаго міровоззрѣнія. Къ нему примыкаетъ, въ частности, принципъ послѣдовательнаго ослабѣванія энергіи (принципъ Карно), ведущій къ ученію объ энтропіи ¹⁾).

Область этихъ законовъ наиболѣе обширна и охватываетъ химію, физіку и отчасти механику (динамику), открывая, въ то-же время самое широкое поприще для философскихъ истолкованій, такъ какъ именно полная совокупность законовъ матеріи, составляя содержаніе т. н. *космологической проблемы*, располагаетъ, въ то-же время, наиболѣе обширнымъ запасомъ данныхъ самаго разнообразнаго наблюденія и эксперимента.

Отсюда-то и должны быть выбраны, апологетомъ, факты, способные наиболѣе рѣзко отгнать тѣ принципы и положенія, съ которыми ему придется оперировать при выполненіи своей задачи.

Едва-ли надо говорить о необходимости, даже при самомъ общемъ изученіи законовъ матеріи, надлежащей математической подготовки. Да и вообще, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что предпосланіе изученію природы усвоенія строгихъ методовъ математики, какъ нельзя болѣе тренируетъ мысль въ смыслѣ пріученія ея къ логичности выводовъ и разсужденій, а главное—къ самому строгому отношенію ко всякаго рода компромиссамъ и двусмысленнымъ заключеніямъ, совершенно не допускаемымъ прямолинейной логикой математики.

Законы физическихъ явленій жизни сводятся, въ сущности, къ одному *закону эволюціи* (принципъ Ламарка), который и долженъ быть, поэтому, освѣщенъ особенно подробно не только съ фактической своей стороны, но и исторически.

Въ тѣсной связи съ нимъ находится *принципъ сохраненія жизни* (принципъ Дарвина) со всѣми обосновывающимися на немъ ученіями рационалистическаго направленія. Особенно важнымъ является завершеніе всѣхъ этихъ ученій современ-

¹⁾ Сюда слѣдовало-бы присоединить еще *законъ всемірнаго тяготѣнія* (принципъ Ньютона), но ввиду настоячивыхъ попытокъ „объяснить“ тяготѣніе гипотезой эфира, или вообще какой либо „міровой среды“, устрояющей таинственное *actio in distans* (Ср. *Diude, Ueber Fernwirkungen*. Wied. Annalen 1897, Bd 62). я позволяю себѣ считать его какъ бы включеннымъ въ общій законъ энергіи.

ными теченіями мысли въ сторону т. н. *неовитализма*, причемъ критическое сопоставленіе его со старымъ витализмомъ, быть можетъ, окажется особенно полезнымъ для цѣлей естественно-научной апологетики. Дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ можетъ считаться весьма поучительнымъ то, что научная мысль, въ своей непрерывной эволюціи, пройдя черезъ лихорадочную стадію матеріалистическаго невѣрія, въ концѣ концовъ опять возвращается къ вѣрѣ если и не въ „жизненную силу“, то хотя-бы въ очень близкія къ ней „доминанты“ Рейнке ¹⁾.

Наконецъ, переходя къ *психологической проблемѣ*, необходимо съ особенной отчетливостью показать тотъ путь, который пройденъ возрѣніями на человѣческую душу отъ Ламеттри, считавшаго мышленіе „свойствомъ матеріи“ до Паульсена и Вундта, для которыхъ уже „душа не есть *механическое* сложеніе отдѣльныхъ духовныхъ состояній, но представляетъ извѣстную организацію, извѣстное единство, являющееся носителемъ отдѣльныхъ духовныхъ состояній и отличающееся постоянствомъ и относительною неизмѣнностью ²⁾.“

Въ этой области уже весьма относительной приложимости общихъ естественно-научныхъ выводовъ и положеній является особенно важнымъ показать всю чисто служебную роль такихъ экспериментальныхъ законовъ, какъ *принципъ добавочнаго ощущенія* (законъ Вебера), или *функциональное соотношеніе между ощущеніемъ и возбужденіемъ* (законъ Фехнера). Да и вообще вся совокупность современныхъ методовъ экспериментальной психологіи должно получить, здѣсь, надлежащую и безпристрастную оцѣнку. Надо показать, что при всемъ своемъ бесспорно-научномъ значеніи, методы эти не проливаютъ, въ сущности, ни одного луча свѣта, на ту вѣчную загадку, которую мы называемъ душой. Здѣсь уже придется прямо подойти къ самому рубежу между чувственно-познаваемымъ міромъ явленій и сверхчувственнымъ опытомъ вѣры.

Въ заключеніе было-бы весьма интересно указать тѣ, очень

¹⁾ См. *Reinke*. Die Welt als Tat, 1905, Kap. 24, S. 289, а также *Челпановъ*. Введеніе въ философію 1907, стр. 229

²⁾ Ср. *Челпановъ* Мозгъ и душа, стр. 361

оригинальныя попытки подойти къ проблемѣ души съ чисто механической точки зрѣнія, которыя были сдѣланы уже лѣтъ 30 тому назадъ Буссивескомъ и Сентъ-Венаномъ ¹⁾, а также и остроумное приложеніе къ области мышленія механическаго принципа наименьшаго дѣйствія, путемъ развитія котораго Авенариусъ и Махъ ²⁾ пытаются освѣтить, хотя съ чисто формальной стороны, процессъ познанія. Быть можетъ, впрочемъ, при хорошей обще-философской подготовкѣ студентовъ духовныхъ академій, эти послѣдніе вопросы и не будутъ по существу новыми, но они приобретаютъ особенное значеніе въ связи съ задачей и цѣлями естественно-научной апологетики.

Въ предѣлахъ настоящей статьи, конечно, можно было лишь въ самыхъ общихъ чертахъ набросать ту приблизительно программу, которой, по моему мнѣнію, слѣдовало бы держаться при изложеніи предмета естественно-научной апологетики. Но зато самая широта получающихся такимъ образомъ рамокъ даетъ надлежащую свободу для заполнения ихъ детальнымъ матеріаломъ. А между тѣмъ именно извѣстная свобода прежде всего необходима при возникновеніи всякой новой научной дисциплины.

Выполненіе такой, или подобной, программы должно завершиться попыткой перекинуть мостъ отъ вѣры научной къ вѣрѣ религіозной, путемъ установленія ихъ общихъ точекъ соприкосновенія. И такая попытка можетъ быть мыслимой лишь именно здѣсь, такъ какъ естественно-научному апологету открывается возможность оперировать съ величинами если не одного и того-же, то, по крайней мѣрѣ, весьма близкаго порядка — съ совершенно свободно и убѣжденно избранными вѣрованіями, по существу, въ Одного и Того-же Бога, но открывающагося внѣшнимъ или внутреннимъ образомъ, сообразно двумъ сторонамъ познающаго Его человеческого духа. Но думается, что подходитъ къ этому, по суще-

¹⁾ Ibid. 179—181, а также: Comptes Rendus d l'Ac d Sciences, 1877, t. 84, pp 362—364; 419—423; „Les Mondes“ 1877, № 12.

²⁾ Avenarius Philosophie als Denken der Welt nach dem Princip des kleinsten Kraftmasses, 1876; Mach Die Mechanik in ihrer Entwicklung, 1901, IV Kap., § 4, S. 510 Интересно, что Мопертюв, открывшій Начало Наименьшаго дѣйствія въ 1744 году, воспользовался имъ для философскаго доказательства бытія Божія (Oeuvres de M-r de Maupertuis 1756, t IV).

ству не новому вопросу съ обще философской стороны, во первыхъ, почти бесполезно, благодаря избитости этого пути, а затѣмъ и небезопасно, въ виду очень соблазнительной возможности свести все дѣло къ шаблонной борьбѣ противъ и безъ того уже пережившаго самого себя матеріализма.

Поэтому можно ожидать, что именно здѣсь окажется вполнѣ плодотворнымъ путь историческаго изложенія, въ параллель съ исторіей развитія естественно-научныхъ принциповъ, и того особаго направленія философской мысли, которое и зарождается-то какъ разъ именно въ историческіе моменты рѣшительнаго перевѣса естественно-научныхъ, а слѣдовательно по существу раціоналистическихъ воззрѣній. Это специальное направленіе мысли, появляющееся какъ противовѣсъ одолюющему гнету матеріи, есть направленіе натурфилософское и *мистическое*. Исторія мистики находится въ совершенно незаслуженномъ пренебреженіи; но даже оставивъ въ сторонѣ, черезчуръ далекія ея теченія въ языческой, а затѣмъ и ранне-христіанской древности, было-бы въ высшей степени интересно показать какъ идеалистическія и даже, по существу, мистическія тенденціи нѣкоторыхъ направленій новой философіи зародились какъ разъ въ эпоху установленія индуктивнаго метода Бэкона, тѣсно сплелись съ раціонализмомъ гуманистическаго протестантства, черезъ Якова Беме отразились въ философіи Шеллинга и прочихъ „романтиковъ“, реагировавшихъ на приливъ раціонализма „эпохи просвѣщенія“ и, наконецъ, привели къ тѣмъ, современнымъ намъ мистическимъ *настроеніямъ*, яркимъ выразителемъ которыхъ былъ покойный Соловьевъ.

Быть можетъ все это особенно умѣстно именно съ точки зрѣнія естественно-научной апологетики еще и потому, что ей слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на современное возрожденіе обновленныхъ всѣми успѣхами науки, натурфилософскихъ взглядовъ. Особенно если признать, что вся цѣнность этихъ умозрительныхъ построеній состоитъ, конечно, не въ созданіи полуфантастическихъ міровыхъ схемъ, о которыхъ мечтали старыя натурфилософы, а лишь въ тѣхъ прозрѣніяхъ въ область Абсолютнаго и въ томъ—опять повторяю—мистическомъ общемъ *настроеніи*, которое ставитъ на мѣсто туманной, пантеистической міровой Первоосновы совер-

шенно реально открывающагося внутреннему, духовному оку Всеединаго Творца и Зажидителя міра.

И одна изъ главныхъ цѣлей всего этого должна состоять прежде всего въ показаніи того, что истина лежитъ какъ не въ унылой безпредѣльности той пустыни, гдѣ честный и прямолинейный агностицизмъ беретъ сосчитать и взвѣсить всѣ песчинки, такъ и не въ заоблачныхъ, почти бредовыхъ идеяхъ крайняго, мистическаго гнозиса. Истина эта въ срединѣ—въ религиозномъ познаніи или, вѣрнѣе, *чувствѣ* Живого Бога.

П. Страховъ.
